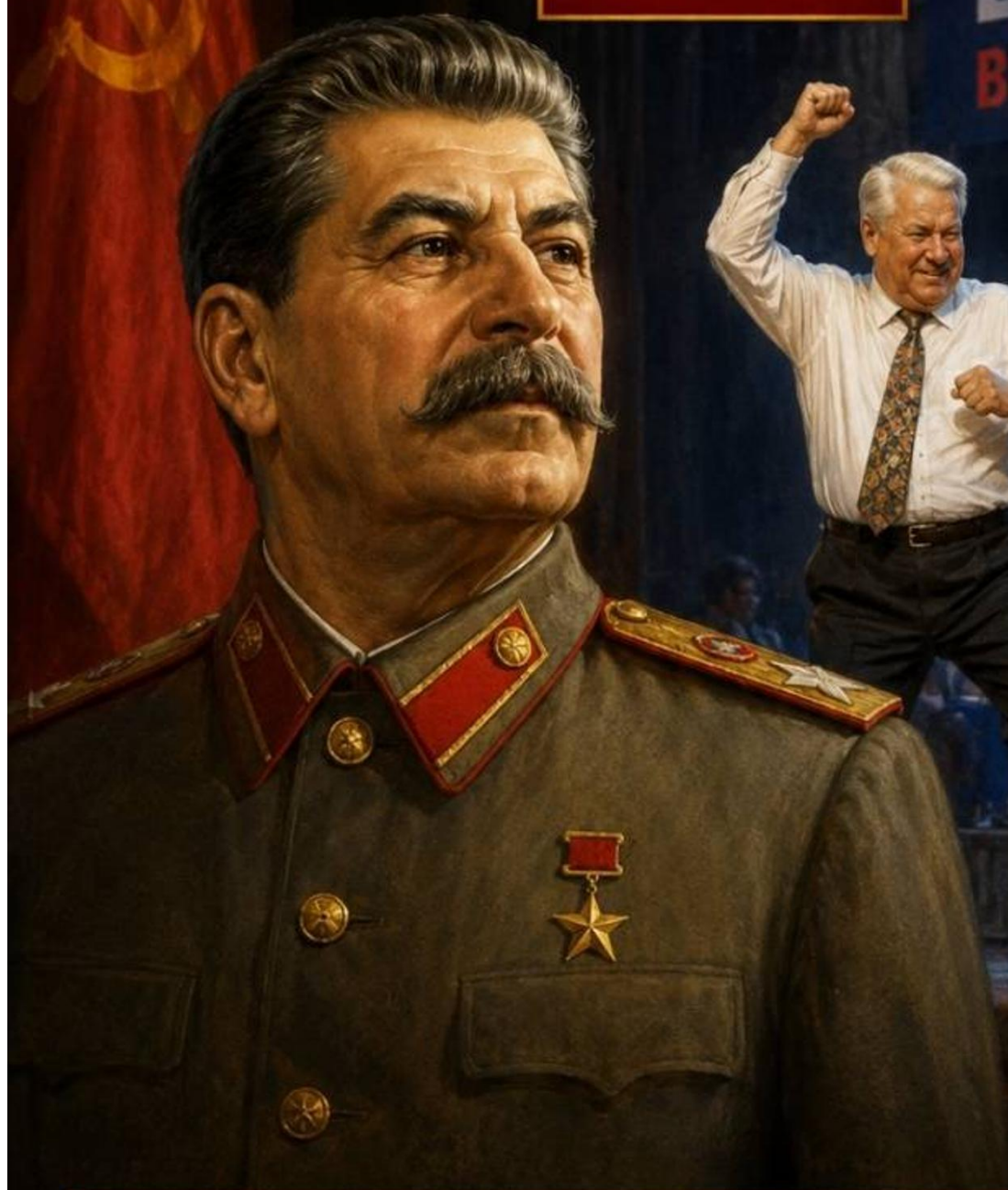


Сергей
СВОЙ

ЕЛЬЦИН
ВЫБОР РОССИИ!



Душа Сталина
в тело Ельцина

Сергей Свой

Душа Сталина в тело Ельцина

«Автор»

2026

Свой С.

Душа Сталина в тело Ельцина / С. Свой — «Автор», 2026

Любые совпадения - фамилии и события, страны и вообще - миры, описанные в этом произведении - прошу считать случайными. Вот представьте - в тело Президента, оч. любящего выпить и закусить (можно не закусывая, тоже пойдет) вселился тот, от чьего имени дрожал весь мир после 1945-го года. И.В. Сталин. Представили? Я тоже. И вот что вышло - читайте, надеюсь интересно получилось.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Душа Сталина в тело Ельцина

Глава 1

За пределами времени
Смерть оказалась совсем не такой, как представляли люди.
Не было ни тоннелей света, ни райских врат, ни адского пламени.
Было только внезапное исчезновение времени.
В один миг существовала боль умирающего тела.
В следующий — не существовало уже ничего.
Ни тела.
Ни боли.
Ни самого понятия расстояния.
Однако сознание осталось.
Именно это удивило его больше всего.
Он не дышал.
Не видел.
Не слышал.
Но продолжал существовать.
Некоторое время — если слово «время» здесь вообще имело смысл — вокруг царил
абсолютная пустота.
Потом она начала меняться.
Не постепенно.
Сразу.
Словно кто-то открыл невидимую дверь.
Перед сознанием возникли трое.
Иосиф Виссарионович сразу понял, что слово «люди» здесь неприменимо.
Они не имели возраста.
Не имели пола.
Не имели даже постоянной формы.
Их очертания непрерывно менялись.
Иногда они напоминали людей.
Иногда звёзды.
Иногда бесконечно сложные структуры из света.
Но при этом почему-то воспринимались как личности.
Трое.
Всегда трое.
Первый излучал спокойствие.
Второй — движение.
Третий — волю.
Именно волю.
Настолько сильную, что рядом с ней даже самые властные правители Земли показались
бы детьми.
Никто не говорил.
Однако смысл возникал сам.
Сразу внутри сознания.
Без слов.
Без звуков.

Без необходимости что-либо объяснять.
Иосиф Виссарионович почувствовал, что его рассматривают.
Причём рассматривают полностью.
Не лицо.
Не память.
Не поступки.
А всего целиком.
Так, как человек рассматривает чертёж машины.
До последнего винта.
До последней царапины.
Наконец пришла первая мысль.
Не вопрос.
Не утверждение.
Просто знание.
«Твоя работа закончилась.»
Он усмехнулся.
Вернее, попытался усмехнуться.
Тела ведь уже не было.
«Судить будете?»
Ответ пришёл сразу от всех троих одновременно.
«Нет.»
«Оценивать?»
«Нет.»
«Тогда зачем я здесь?»
В этот момент пространство исчезло.
Вернее, оно превратилось во что-то совершенно иное.
Перед ним возникла Земля.
Не шар в космосе.
Не карта.
А вся планета сразу.
Каждый человек.
Каждый город.
Каждая армия.
Каждая граница.
Каждый кабинет власти.
Каждый банковский счёт.
Каждая секретная служба.
Каждая ложь.
Каждое предательство.
Каждый подвиг.
Каждая надежда.
Всё одновременно.
Мозг живого человека не смог бы выдержать даже тысячную долю такого объёма информации.
Но здесь ограничений не существовало.
Поток данных обрушился на него мгновенно.
И он понял всё.
Сразу.
Одним ударом.

Увидел Советский Союз конца двадцатого века.
Увидел его силу.
Увидел его слабости.
Увидел миллионы честных людей, которые продолжали работать несмотря ни на что.
Увидел офицеров, учёных, инженеров, рабочих.
Увидел тех, кто ещё пытался сохранить страну.
Увидел и других.
Тех, кто уже делил её наследство.
Тех, кто строил планы будущего раздела собственности.
Тех, кто готовился стать хозяевами заводов, месторождений, банков и целых регионов.
Поток шёл дальше.
Гораздо дальше.
Он увидел политиков.
Генералов.
Партийных деятелей.
Будущих олигархов.
Будущих президентов.
Будущих миллиардеров.
Будущих нищих.
Увидел иностранных лидеров.
Руководителей разведок.
Финансистов.
Министров.
Королей.
Шейхов.
Премьер-министров.
Всех.
Без исключений.
Он видел не только лица.
Он видел мотивы.
Страхи.
Амбиции.
Жадность.
Преданность.
Сомнения.
То, что сами люди часто скрывали даже от себя.
Потом поток начал ускоряться.
Ещё быстрее.
Ещё.
Ещё.
Пока не превратился в сплошную реку истории.
Будущее.
Варианты будущего.
Развилки.
Вероятности.
Войны.
Революции.
Финансовые кризисы.
Технологические прорывы.

Распад государств.
Возникновение новых.
Всё это пронеслось сквозь него за мгновение.
И когда поток закончился, он вдруг осознал, что знает Землю девяностого года лучше,
чем когда-либо знал собственный Советский Союз.
Гораздо лучше.
Наступила тишина.
Настоящая.
После океана информации она показалась почти оглушительной.
Тогда Третий впервые показал ему одного человека.
Плотного.
Высокого.
С характерным лицом.
Человека, которого он уже успел увидеть среди миллиардов других.
Бориса Николаевича Ельцина.
Иосиф Виссарионович некоторое время молчал.
Потом пришла одна короткая мысль.
Очень короткая.
Настолько короткая, что даже трое сущностей словно замерли.

Иосиф Виссарионович ещё не успел задать следующий вопрос.
Поток образов начался сам.
Без предупреждения.
Без подготовки.
Словно кто-то распахнул тысячи окон одновременно.
Он увидел Бориса Николаевича.
Сначала молодого.
Потом зрелого.
Потом стремительно набирающего политический вес.
Кадры сменялись с невероятной скоростью.
Заводские цеха.
Митинги.
Трибуны.
Аплодисменты.
Телекамеры.
Толпы людей.
И одновременно — растущее ощущение какой-то внутренней неустойчивости.
Словно в механизме, которому предстоит вести огромную машину через бурю, уже сейчас отсутствовали важнейшие детали.
Потом изображения изменились.
Перед ним возникли зарубежные поездки.
Переговоры.
Саммиты.
Протоколы.
Государственные визиты.
То, что в обычной жизни видели миллионы людей по телевизору.
И то, что обычно оставалось за кадром.
Сталин молча наблюдал.

Он видел, как вокруг президента крупнейшей державы мира работают десятки помощников, охранников, дипломатов.

Как целые делегации пытаются сглаживать неловкости.

Как государственная машина временами оказывается вынуждена исправлять последствия действий одного человека.

Некоторые эпизоды были почти комичными.

Если бы речь не шла о главе государства. А в этом случае, наверное минимум - стыдоба.

Другие выглядели откровенно тревожными.

Особенно тогда, когда решения, принимаемые в минуты слабости или эмоционального подъёма, касались миллионов людей.

Поток продолжал идти.

Теперь перед ним возникли уже не отдельные события.

А сама страна.

Советский Союз.

Огромный.

Сложный.

Противоречивый.

С десятками республик.

Тысячами предприятий.

Миллионами специалистов.

С колоссальной армией.

С ядерным щитом.

С промышленностью, которую строили поколения.

И одновременно — с нарастающим кризисом управления.

Он видел партийные кабинеты.

Министерства.

Военные округа.

Научные центры.

Заседания.

Споры.

Доклады.

Планы.

Страх.

Растерянность.

Амбиции.

Личные интересы.

Всё переплеталось в единую картину.

Некоторые люди пытались сохранить систему.

Некоторые хотели её изменить.

Некоторые мечтали использовать перемены в собственных целях.

А многие просто старались выжить.

Сталин долго молчал.

Настолько долго, что даже поток образов замедлился.

Наконец он обратился к троим.

Не словами.

Мыслью.

— И это вы называете управлением государством?

Ответ пришёл не сразу.

Сначала перед ним возникла ещё одна картина.

СССР начала девяностых.
Не как набор документов.
Не как статистика.
А как живой организм.
Огромный корабль посреди шторма.
Капитаны спорят.
Команда разделилась.
Пассажиры напуганы.
Одни предлагают менять курс.
Другие ломают руль.
Третьи уже делят спасательные шлюпки.
А шторм только усиливается.
— Мы называем это выбором, — ответили трое.
— Люди сами создают свою историю.
Сталин посмотрел на гибнущий корабль.
Потом на фигуру Бориса Николаевича.
Потом снова на троих.
И впервые за всё время после смерти почувствовал не удивление.
Не интерес.
Не любопытство.
А настоящее раздражение.
Очень знакомое раздражение человека, которому показывают проблему и одновременно запрещают её решать.
И тогда он задал вопрос:
— Хорошо.
Допустим.
Что именно вы хотите от меня?
На этот раз трое ответили одновременно.
И от их ответа пространство вокруг словно изменило форму.
— Мы хотим посмотреть, что произойдёт, если в точке распада окажется человек, который ненавидит распад.
И впервые за весь разговор Иосиф Виссарионович понял, что речь идёт вовсе не о прошлом.
А о будущем.

Некоторое время после вопроса Сталина трое молчали.
Если, конечно, к ним вообще можно было применить понятие молчания.
Потом Первый произнёс:
— Прежде чем принять решение, ты должен понять, куда именно попадёшь.
И пространство вокруг снова изменилось.
На этот раз перед Иосифом Виссарионовичем возник не человек.
Возник спектакль.
Огромный.
Мирового масштаба.
С миллиардом зрителей.
Он увидел телевизионные экраны.
Газетные полосы.
Новостные выпуски.
Кабинеты министров.

Президентские резиденции.
Посольства.
Штабы разведок.
Биржи.
Военные командные пункты.
И в центре всего этого — одного человека.
Бориса Николаевича Ельцина.
Сталин наблюдал.
Не события.
Реакцию на события.
Это было гораздо важнее.
Вот иностранные журналисты.
Они обсуждают очередной дипломатический скандал.
Спорят.
Строят догадки.
Пишут статьи.
Одни относятся к происходящему с недоумением.
Другие — с откровенной иронией.
Третьи начинают задаваться вопросом, насколько устойчиво государство, обладающее крупнейшим ядерным арсеналом планеты.
Картина сменилась.
Появились записи телекомпаний.
Фотографии.
Мемуары.
Воспоминания охраны.
Докладные записки.
Свидетельства дипломатов.
Статьи.
Интервью.
Книги.
Тысячи источников.
Не всегда согласных друг с другом.
Иногда противоречащих друг другу.
Но складывающихся в одну общую картину.
Иосиф Виссарионович видел западных лидеров.
Видел их улыбки.
Шутки.
Переглядывания.
Закрытые совещания.
Аналитические записки.
Оценки политиков и экспертов.
Многие из них воспринимали нового российского лидера как человека непредсказуемого.
Эмоционального.
Склонного принимать решения внезапно.
Иногда вопреки логике собственной системы управления.
Потом трое показали другое.
Не прессу.
Не слухи.

Последствия.
Перед Сталиным возникла карта огромной страны.
Предприятия.
Научные институты.
Военные заводы.
Конструкторские бюро.
Аэродромы.
Порты.
Шахты.
Энергетические системы.
То, что строилось десятилетиями.
И рядом возникали новые люди.
Будущие банкиры.
Будущие владельцы огромных состояний.
Будущие хозяева предприятий.
Будущие политические кланы.
Будущие медиаимперии.
Некоторые из них были талантливы.
Некоторые — энергичны.
Некоторые — откровенно циничны.
Но почти все чувствовали одно.
Приближение огромного передела.
Сталин смотрел молча.
Очень внимательно.
Так внимательно, как когда-то изучал карты фронтов.
Перед ним проходили фамилии.
Сотни.
Тысячи.
Политики.
Генералы.
Министры.
Экономисты.
Партийные функционеры.
Бизнесмены.
Журналисты.
Иностранные лидеры.
Главы спецслужб.
Руководители корпораций.
Каждый появлялся лишь на мгновение.
Но этого мгновения хватало, чтобы понять характер.
Амбиции.
Страхи.
Слабости.
Сильные стороны.
Потом поток ускорился.
И Сталин увидел самое важное.
Не людей.
Тенденцию.
Государственная власть слабела.

А влияние денег росло.
С каждым годом.
С каждым месяцем.
С каждым новым решением.
Некоторые пытались остановить этот процесс.
Некоторые ускоряли его.
Большинство просто плыло по течению.
Наконец поток остановился.
Перед ним снова стояли трое.
— Вы показали мне болезнь, — сказал Сталин. — Но ещё не показал пациента.
Второй ответил:
— Пациент — Россия.
Третий добавил:
— А болезнь намного старше любого из её правителей.
Сталин усмехнулся.
Впервые за всё время.
Жёстко.
Нехорошо.
Так, как умел только он.
— Значит, вы хотите отправить меня лечить империю, которая решила разобрать себя на части?
— Нет.
Ответ пришёл сразу.
— Мы хотим посмотреть, сможет ли она отказаться от этого решения.
После этих слов перед Иосифом Виссарионовичем впервые появился календарь.
Обычный.
Человеческий.
1990 год.
И он вдруг понял, что разговор подходит к концу.
А настоящие проблемы только начинаются.

Некоторое время Иосиф Виссарионович смотрел на цифры.
Всего четыре цифры.
Но за ними скрывалась целая эпоха.
Он уже видел её.
Видел начало и множество возможных концов.
Видел растерянность партийного аппарата.
Видел союзные республики, всё громче говорящие о суверенитете.
Видел экономику, которая ещё работала, но уже теряла управляемость.
Видел миллионы людей, не понимавших, что именно происходит со страной.
И самое главное — видел, что большинство из них ещё не считало катастрофу неизбежной.

Именно это его удивило.
Не кризис.
Кризисы он видел и раньше.
Не дефицит.
Не политическую борьбу.
Не национальные конфликты.
Всё это уже случалось в истории государств.

Удивляло другое.
Люди наверху словно перестали мыслить категориями государства.
Каждый говорил о чём-то своём.
О реформах.
О демократии.
О правах.
О рынке.
О свободе.
О собственности.
О власти.
Но почти никто не говорил о том, как сохранить страну.
Как единое целое.
— Они словно забыли главный вопрос, — произнёс Сталин.
— Какой? — спросил Первый.
— Что будет завтра.
Трое переглянулись.
Если это вообще можно было назвать взглядом.
Потом пространство вновь изменилось.
Теперь он оказался внутри огромного зала.
Точнее, внутри воспоминания.
Одного из тысяч.
Шум.
Разговоры.
Депутаты.
Камеры.
Журналисты.
Политики.
Сталин узнал Верховный Совет.
Он видел людей, которые были уверены, что создают новое будущее.
Каждый говорил правильные слова.
Каждый ссылался на народ.
Каждый обещал улучшения.
Каждый хотел перемен.
Но чем дольше он наблюдал, тем сильнее становилось ощущение странности.
Словно десятки человек одновременно обсуждали судьбу корабля, не интересуясь тем, останется ли корабль на плаву.
Одни спорили о распределении кают.
Другие — о цвете парусов.
Третьи — о правах пассажиров.
Но почти никто не занимался пробойной ниже ватерлинии.
Картина исчезла.
На её месте появилась другая.
Завод.
Обычный советский завод.
Станки.
Рабочие.
Инженеры.
Конструкторы.
Начальники цехов.

Люди трудились.
Ругались.
Спорили.
Жаловались на снабжение.
На дефицит.
На начальство.
На жизнь.
Но завод работал.
Производил продукцию.
Выполнял заказы.
Жил.
Затем появились ещё десятки предприятий.
Сотни.
Тысячи.
По всей стране.
И вдруг поверх них наложилась другая картина.
Будущее.
Закрытые цеха.
Пустые корпуса.
Выбитые окна.
Ржавые станки.
Разобранное оборудование.
Заросшие железнодорожные пути.
Сталин резко повернулся к троим.
— Это неизбежно?
— Нет.
Ответ пришёл мгновенно.
— Это одна из вероятностей.
— И весьма вероятная, — заметил он.
Никто не стал спорить.
Некоторое время все молчали.
Потом Третий сделал нечто необычное.
Он не показал событие.
Не показал человека.
Не показал документ.
Он показал Бориса Николаевича Ельцина изнутри.
Не воспоминания.
Не биографию.
Не мысли.
Характер.
Перед Сталиным словно развернули сложнейшую схему.
Сильные стороны.
Слабые стороны.
Амбиции.
Упрямство.
Храбрость.
Импульсивность.
Способность идти напролом.
Способность вдохновлять людей.

И одновременно неспособность долго удерживать внимание на деталях управления.
Всё было перемешано.

Достоинства.

Недостатки.

Энергия.

Хаос.

Сталин долго изучал эту картину.

Очень долго.

Наконец произнёс:

— Любопытный выбор.

— Поэтому мы и предлагаем его тебе, — ответил Второй.

— Именно это тело?

— Именно это.

— Именно это время?

— Именно это.

Иосиф Виссарионович задумался.

В его памяти всё ещё стояли карты будущего.

Распадающиеся связи.

Ослабевающая власть.

Нарастающая борьба элит.

Миллионы людей, которые ещё не понимали, насколько близко подошли к краю.

Потом он посмотрел на троих.

— Если я соглашусь, будут ограничения?

Впервые за весь разговор Первый улыбнулся.

И от этой улыбки Сталину стало не по себе.

— Только одно.

— Какое?

— Ты попадёшь не в свой мир.

А в мир, который уже сделал первый шаг по другому пути.

— Иными словами?

— Ты не сможешь просто повторить прошлое своей страны.

Сталин медленно кивнул.

Это он понимал и без объяснений.

История никогда не повторялась буквально.

Она лишь меняла декорации.

И всё же впервые за весь разговор он почувствовал интерес.

Настоящий.

Живой.

Почти азарт.

Потому что перед ним лежала задача, которую он ещё никогда не решал.

Спасти страну, которая ещё не погибла.

Но уже начала верить в собственную гибель.

Сталин долго молчал.

Он смотрел на пространство вокруг себя, которое казалось одновременно пустым и бесконечным.

Трое сущностей наблюдали за ним, не вмешиваясь. Их присутствие ощущалось, как тяжесть воздуха — неизбежное и неоспоримое.

Наконец он заговорил, медленно, с той непоколебимой уверенностью, которая когда-то вызывала страх у генералов и министров:

— Покажите мне его. Покажите всё. Не абстракции, не общие картины. Его действия. Его ошибки. Его слабости.

Пространство вновь изменилось.

Перед Сталиным возник Борис Николаевич.

Не как президент, не как символ, а как человек — пьяный, резвый, непредсказуемый.

Он видел, как Ельцин на глазах у всего мира — журналистов, дипломатов, фотографов — позволяет себе невоздержанность. Как он в аэропорту США, перед моментом встречи с официальной делегацией, он спустившись по трапу, мочится на шасси авиалайнера - ведет себя откровенно несдержанно, игнорируя нормы приличия. Как в Сенате США, своего основного противника, он провозглашает: "Боже, храни Америку!"

Следом шли другие эпизоды:

Германия, вывод российских войск. Ельцин с красным лицом, очевидно "перебрав", пытающийся дирижировать оркестром, не видя нот, не слушая музыкантов. Канцлер и дипломаты стоят ошеломленные, а американский президент Клинтон смеется откровенно, не скрывая изумления.

Швеция. Публичное заявление о намерении сократить ядерные арсеналы на треть. Утверждение на грани безумства, произнесенное с пьяной уверенностью, которое заставляет местных дипломатов обмениваться недоуменными взглядами.

Черномырдин. Его премьер. Передача ядерных материалов своему основному противнику "за бесплатно", по сути, через официальные каналы — операция, кажется, заключенная в мгновение, но последствия которой будут оцениваться десятилетиями. И многие другие подобные эпизоды.

Все это мелькало перед Сталиным в ускоренном режиме, как непрерывный фильм, где каждый кадр несет в себе последствия.

Он ощущал хаос, энергию и непредсказуемость.

И, одновременно, видел последствия для страны: ослабление власти, растерянность элит, первые трещины в управлении, разрыв старых связей и рост новых, чуждых традициям и структурам прежнего государства.

Трое сущностей наблюдали.

Первый произнёс тихо:

— Это тело. Это время. Здесь ты сможешь испытать все свои навыки и всю свою волю. Здесь ты увидишь мир, который почти потерял, и людей, которые уже не знают, что такое ответственность.

Сталин молчал. Его глаза сжимались, словно пытаясь вместить всю картину сразу.

— И всё это... — начал он, — это только начало?

Второй кивнул:

— Только начало. Но самое главное — всё это видимо тебе. Каждое действие, каждая слабость, каждая возможность изменить ход событий.

Третий добавил:

— Мы показываем тебе будущее как тест. Ибо только тот, кто видит хаос и понимает последствия, способен его направить.

Сталин глубоко вдохнул.

Он ощутил в груди знакомую тяжесть. Ту, что была перед большими решениями, перед началом войны, перед отдачей приказа армии идти в бой.

И впервые за много лет после своей смерти он почувствовал не страх, а почти жажду действия.

Он медленно произнёс:

— Пусть будет так. Покажите путь.

И пространство перед ним вновь изменилось. Теперь вместо хаоса он увидел страну, которую предстоит привести к порядку, но которая сама еще не знает, что значит быть спасенной.

Глава 2

Москва встретила Иосифа Виссарионовича холодом раннего осеннего утра.

Он ощущал город по-новому — через тело, которое больше века спустя оказалось неожиданно живым, полным привычек и слабостей. Каждое движение, каждое слово давалось по-своему, как будто это не он управлял телом, а тело пыталось подчинить его.

Кремль, Красная площадь, шум машин и прохожих — всё это одновременно было знакомо и чуждо. Москва конца XX века несла в себе запах свободы и хаоса, обрушившегося на страну после десятилетий строгости и порядка.

Сначала Сталин с трудом умирал поток воспоминаний и привычек Бориса Николаевича. Пьяные походы, вспышки гнева, неосторожные слова — всё это всплывало в теле нового хозяина. Внутри него разгорелся конфликт: методичная и хладнокровная логика Сталина сталкивалась с импульсивностью Ельцина, его привычками, быстрыми и резкими.

Но Москва требовала действия.

Он шел по коридорам Кремля, ощущая взгляд охраны, ощущая камеры и телефоны, которые фиксировали каждое слово и жест. В его руках были бумаги, подписанные уже другим руководством, отчеты о республиках, экономические сводки, планы приватизации. И все это было на грани хаоса: решения, принятые без анализа, обещания, данные без оглядки на последствия.

Сталин понял: чтобы удержать страну, ему нужно одновременно управлять этим телом и одновременно направлять хаос в русло порядка.

На встрече с министрами и депутатами он впервые почувствовал, насколько сильно отличается восприятие власти. Люди смеялись, спорили, прятали тревогу за официальными улыбками. Они видели Бориса, и не подозревали, что внутри него — другой хозяин, строгий, расчетливый, требующий дисциплины.

С каждым словом, с каждым взглядом, с каждым решением, которые он принимал, Москва реагировала. Шум улиц, работа заводов, новости, сплетни и слухи — все это немедленно отражалось в атмосфере города.

Сталин понял, что теперь ему предстоит не только понять страну, но и научиться управлять телом, которое одновременно желало делать одно, а он — совсем другое.

Это был первый день его правления внутри чужого тела. И уже сейчас было ясно: хаос нельзя будет просто игнорировать.

Он закрыл глаза на минуту и почувствовал ритм Москвы. Этот ритм был странным, резким, непредсказуемым — почти как сам Борис Николаевич. Но теперь он принадлежал Сталину.

Сталин открыл глаза и почувствовал, как тело, в которое он только что вселился, просыпается с дрожью и нескрываемым волнением. Оно тянулось к привычным жестам: к чашке кофе, к бумагам, к телефону на столе. Но привычки были не его. Он чувствовал каждое движение как отдельный узел противоречий, каждое слово, которое собиралось вырваться наружу, как маленькую бомбу, готовую взорваться.

Первый вызов пришёл сразу. Совещание в кабинете правительства. Министры, привыкшие к Борису, уже с трудом сдерживали улыбки и недоумение: один из них тихо шептал другому, другой записывал нечто в блокнот с явным раздражением. Сталин понял: каждый их жест, каждая фраза — это проверка нового лидера. И теперь это он должен был пройти.

Он встал. Его спина, сдавленная временем и привычками чужого тела, выпрямилась. Лицо сохраняло полуулыбку, которую Борис часто отпускал в подобных ситуациях, но глаза

были холодны и скользки, как лёд. Он заговорил спокойно, медленно, так, чтобы каждый, кто его слушал, почувствовал вес слов:

— Господа, мы должны действовать. Каждое решение, каждая задержка — риск для страны. Кто-то думает, что можно плыть по течению. Но сегодня этого нельзя.

Министры замолчали. Некоторые перешли на более внимательные взгляды. Он чувствовал, как сопротивление привычкам Бориса сливается с дисциплиной и точностью, которой привык пользоваться сам. И уже это изменяло атмосферу в комнате.

Следующим испытанием была пресса. Телекамеры, микрофоны, шум репортёров — всё это пыталось запечатлеть привычный Борису хаос. Но Сталин говорил точно, ясно, без промахов, без смещения слов и жестов. Он видел, как журналисты морщат лбы, пытаясь понять: это ли тот Борис, которого они знали? Или кто-то другой полностью переписал сценарий?

Москва реагировала мгновенно. Газеты и каналы, переполненные уже привычными скандальными заголовками, вдруг ощущали новый ритм. Часть толпы на улицах, привыкшая к хаосу и смеху, останавливалась, прислушивалась. Этот новый Борис-Иосиф внушал уважение, страх и любопытство одновременно.

Он ощущал, что теперь каждое его движение, каждая фраза — это не просто управление страной. Это управление самим телом, которое пыталось тянуть в сторону привычного хаоса. И этот внутренний конфликт делал его сильнее. Он понимал: если не совладать с собой, то невозможно будет совладать с государством.

Вечером он стоял на балконе. Москва сияла огнями, но в этом сиянии чувствовался хаос, смятение и усталость страны. Сталин глубоко вдохнул: он понял, что впереди не просто дни и недели, а целая эпоха, которую придётся строить заново, переписывая привычки и ошибки другого человека, одновременно удерживая власть и дисциплину в чужом теле.

И впервые за десятилетия после своей смерти он почувствовал настоящий азарт. Он не был ограничен временем. Не был ограничен прошлым. Он был внутри будущего, полное которого зависело теперь от него.

И Москва ждала его первого шага.

Москва в трещинах времени

Москва конца 1990 года жила в странном состоянии — уже не советском, но ещё не постсоветском.

Система сохраняла форму, но теряла содержание. Законы существовали, но исполнялись выборочно. Центр власти был один, но влияние расплозлось по республикам, комитетам, парламентам и новым политическим фигурам, которые ещё вчера не имели самостоятельного веса.

И в этом промежуточном мире Борис Ельцин был не вершиной, а трещиной.

Сталин понимал это всё яснее с каждым днём пребывания в чужом теле.

Он уже перестал воспринимать своё новое существование как случайность. Теперь это была среда, которую нужно было изучать так же тщательно, как фронтовую карту перед операцией.

Первое, что он сделал — научился подавлять хаотические импульсы тела.

Привычки Бориса Николаевича пытались вмешиваться постоянно: резкие эмоциональные всплески, желание говорить слишком много или слишком резко, автоматическое стремление к публичной экспрессии.

Но Сталин не боролся с этим напрямую.

Он перехватывал ритм.

Говорил медленнее.

Думал глубже.

И тело постепенно подстраивалось — не сразу, не полностью, но достаточно, чтобы окружающие начали замечать изменение.

В Верховном Совете РСФСР это почувствовали первыми.

Среди депутатов пошёл тихий, нервный разговор:

— Он стал другим.— Спокойнее.— Осторожнее.— Даже опаснее.

Но объяснить это никто не мог.

Горбачёв в это время оставался формальным центром Союза.

Но центр уже перестал быть устойчивым понятием.

Сталин видел это отчётливо: власть перестала идти сверху вниз — она начала расплываться в стороны.

Каждое решение союзного центра вызывало не исполнение, а обсуждение.

Каждое решение республик — самостоятельность.

Каждое противоречие — ускорение распада.

И тогда трое снова пришли к нему.

Не как видение.

А как возвращение инструмента.

Перед ним развернули ускоренный поток времени.

1991 год.

Лето.

Август.

ГКЧП.

Паника.

Неуверенность.

Колебания командования.

Расплывчатые приказы.

Разрыв вертикали управления.

Сталин смотрел молча.

Он видел не события — он видел механизм, который ещё можно было либо остановить, либо сломать окончательно.

— Это точка? — спросил он.

— Это узел, — ответил Первый.

— В нём решается форма будущего, — добавил Второй.

— И именно там ты появишься, — сказал Третий.

Сталин медленно кивнул.

Теперь он понимал задачу иначе.

Не как наблюдение.

Не как адаптацию.

А как вмешательство в момент, где история ещё не выбрала окончательную траекторию.

— Тогда готовьте тело, — сказал он.

— И время.

И впервые трое не ответили сразу.

Потому что в этот момент даже они наблюдали, а не просто управляли.

Сталин чувствовал странное напряжение в теле Ельцина.

Каждое движение, каждый взгляд, каждая фраза могли изменить исход ближайших месяцев. Он понимал, что Россия балансирует на грани катастрофы, и теперь каждый его шаг имел последствия не для идеального будущего, а для мира, в котором всё уже трещало по швам.

Он сидел в кабинете в доме Совета РСФСР на ул. Тверская, держа перед собой бумаги о заседаниях, заявления о правах республик, сообщения от партийных и экономических структур.

Телевидение и газеты заполняли страну хаосом, который никто не мог полностью контролировать.

— Москва — подумал Сталин. — Здесь и сейчас определяется судьба страны.

Он вспомнил инструкции троих сущностей: вмешательство возможно, но должно быть тонким. Недопустимо прямое разрушение цепочки событий — только корректировка, чтобы хаос не перешёл в катастрофу.

Первое решение было простым: стабилизировать поддержку ВС РСФСР и сделать так, чтобы Ельцин смог уверенно вести переговоры с республиками.

Сталин чувствовал, как тело сопротивляется. Борис привык к резким заявлениям, к публичной экспрессии, к импульсивности.

Но теперь его действия были медленными, точными, выверенными.

Он провёл встречу с депутатами, которые раньше смеялись или пытались манипулировать Ельциным. Теперь же каждый их шаг контролировался холодной дисциплиной внутри нового хозяина тела.

— Коллеги, — сказал он, — страна переживает самый сложный момент. Нам нужны ясные решения, а не хаотичные жесты. Каждое слово имеет последствия.

Депутаты замолчали. Никто не смеялся. Никто не осмеливался перебивать.

Сталин знал: следующий шаг — подготовка к лету 1991 года, когда напряжение достигнет апогея. Он видел в ускоренном режиме приближение ГКЧП, панические заседания высших чиновников, сомнения и страх Горбачёва.

И он начал планировать своё вмешательство.

Не силой.

Не прямым приказом.

А точными словами, правильными решениями, способными направить хаос так, чтобы страна не рухнула, а оставалась управляемой.

Он понял: теперь игра началась. И ставки выше, чем когда-либо.

Москва готовилась к осени, которая определит судьбу всего Союза.

А Сталин в теле Ельцина был готов дирижировать этим хаосом.

С каждым днём Сталин всё яснее ощущал, как Москва меняется под его руками.

Верховный Совет РСФСР стал ареной, где любая нерешительность могла стоить слишком дорого. Он видел каждого депутата как фигуру на шахматной доске: кто готов к компромиссу, кто действует по собственным интересам, а кто ищет возможности для саботажа.

Особое внимание он уделял фигурам, которые в реальной истории оказались ключевыми: Александру Руцкому, будущему союзнику Ельцина, полковнику Квачкову, чиновникам, способным остановить или ускорить процесс. И, конечно, Горбачёву — формально всё ещё президенту СССР, но уже с растущей уязвимостью.

Сталин быстро понял: слабость Горбачёва — это не только политическая возможность, но и испытание для Ельцина. Тело реагировало мгновенно на упоминание имени бывшего Генсека, и Сталин использовал это, чтобы управлять публичными заявлениями, дискуссиями и переговорными тактиками.

Лето 1991 года.

ГКЧП готовился.

Сталин наблюдал за каждым сигналом: тревожные телеграммы, отчеты силовых структур, сообщения дипломатов. Каждый шаг заговорщиков можно было предвидеть — достаточно было уловить малейшую тень решимости или сомнения.

И вот настал момент: август.

Телевизионные камеры фиксировали напряжённые лица членов ГКЧП, пресс-конференции и спешные совещания.

Сталин в теле Ельцина чувствовал, что теперь нужно действовать. Его шаги должны были быть точными: слова, жесты, даже взгляды — всё считалось.

Он не давал прямых указаний, не вмешивался грубо.

Он делал так, чтобы каждый союзник, каждый чиновник, каждая структура сама приняла правильное решение.

Каждый документ, каждый приказ, каждая публичная речь были рассчитаны.

Москва замерла.

Сквозь хаос и неуверенность пробивалась дисциплина.

И впервые за десятилетия после своей смерти Сталин почувствовал не страх, а азарт.

Он управлял не армиями и фронтами, а хаосом времени и поступков.

И в этом хаосе рождался новый ход истории.

Сталин всё яснее понимал: август 1991 года — это не просто политический кризис. Это момент, когда государственные структуры либо сохраняют инерцию, либо начинают действовать как отдельные центры силы.

И в этой системе особенно опасны были люди, которые сохраняли дисциплину.

Не хаос.

А порядок.

Он видел, как вокруг Ельцина постепенно формируется ядро тех, кто способен действовать не по эмоции, а по расчёту. Среди них всё чаще проявлялась фигура, которую Сталин отметил особенно внимательно: начальник Главного разведывательного управления, генерал Владимир Александрович Ивашутин.

Это был другой тип человека.

Не политик.

Не трибун.

Не игрок в публичную власть.

А тот, кто привык работать в тишине, где решения не обсуждаются — они исполняются.

Сталин изучал его так же, как изучал бы командира армии перед крупной операцией.

Сухие доклады.

Холодные формулировки.

Минимум публичности.

Максимум структуры.

И главное — способность видеть систему целиком, не теряя деталей.

— Этот будет опаснее остальных, — подумал он.

Не враждебнее.

Именно опаснее.

Потому что такие люди не поддаются хаосу. Они либо его гасят, либо перенаправляют.

Август приближался не как дата — как сжатие времени.

Москва уже жила в состоянии ожидания, хотя официально ещё ничего не произошло.

Сталин чувствовал это в теле Ельцина особенно остро: напряжение мышц, резкие реакции, вспышки раздражения, которые приходилось подавлять усилием воли.

Он учился удерживать не только решения, но и физиологию чужого характера.

И вот началось.

19 августа 1991 года.

ГКЧП объявил о введении чрезвычайного положения.

Горбачёв оказался изолирован в Форосе.

По стране пошли противоречивые приказы.

Связь между центром и регионами начала рваться.

Сталин не ускорился.

Наоборот — замедлился.
Именно это отличало его реакцию от большинства участников событий.
Он видел, что главная борьба будет не за заявления.
И не за телевидение.
А за структуры, которые решат, чьи приказы исполнять.
Белый дом РСФСР.
Точка, которая ещё не стала символом, но уже становилась центром притяжения.
Здесь собирались депутаты, военные, советники, охрана, и те, кто ещё не определился.
И именно сюда стекались сигналы от генералов.
От командующих округами.
От спецслужб.
От людей, которые должны были решить исход.
Среди них был и Ивашутин.
Сталин видел его сообщения, его осторожные формулировки, его попытки удержать систему от распада приказов.
Не поддержать хаос.
Но и не разрушить вертикаль окончательно.
— Он не за власть, — отметил Сталин. — Он за управляемость.
А это, по его опыту, делало человека самым важным элементом любой развязки.
Внутри Ельцина нарастало давление.
Толпа, звонки, решения, камеры.
И Сталин действовал как центратор.
Он не кричал.
Не рвался.
Не ломал.
Он собирал вокруг себя структуру, которая в реальной истории распадалась.
Каждое его слово теперь имело другой вес.
Каждая пауза — значение.
Каждое решение — последствия не только политические, но и системные.
И в этот момент он понял главное:
ГКЧП не будет решаться только в Москве.
Он будет решаться в головах тех, кто должен выбрать сторону.
И в первую очередь — у тех, кто умеет думать холодно.
Сталин медленно поднял взгляд.
Где-то в этом городе уже шёл выбор, который определит, останется ли Союз системой или превратится в память.
И он был внутри этого выбора.
Не наблюдателем.
Не участником.
А точкой давления.

В первые дни после провала ГКЧП Ельцин всё чаще ловил себя на мысли, что ему необходим хотя бы один человек, которому можно задать вопрос без масок, без политических игр и без необходимости объяснять очевидное.

Не советник.
Не депутат.
Не генерал действующей службы.
А человек из другой эпохи.
Из той, которую он помнил лучше всех живущих.

Поэтому однажды вечером, без протокола и широкой огласки, была организована встреча.

Настолько неофициальная, насколько это вообще возможно для руководителя России.

Гость был уже немолод.

Сильно немолод.

Годы оставили свой след.

Тюрьма тоже.

Но взгляд оставался прежним.

Внимательным.

Собранным.

Опасным.

Даже сейчас.

Павел Анатольевич Судоплатов вошёл в кабинет спокойно.

Без суеты.

Без подобострастия.

Без страха.

Словно за долгую жизнь уже увидел всё, что только может увидеть человек.

Охрана осталась снаружи.

Дверь закрылась.

В кабинете наступила тишина.

Несколько секунд оба молчали.

Судоплатов внимательно посмотрел на хозяина кабинета.

Потом слегка нахмурился.

Словно почувствовал что-то странное.

Неуловимое.

Ельцин медленно поднялся из-за стола.

Подошёл к окну.

Некоторое время смотрел на вечернюю Москву.

После чего неожиданно произнёс:

— Павел Анатольевич...

Помните одну беседу в Кунцево?

Незадолго до мексиканской операции.

Судоплатов застыл.

Совершенно неподвижно.

— Когда вы докладывали о подготовке группы.

И я спросил...

Справится ли Рамон.

В кабинете стало очень тихо.

Судоплатов медленно побледнел.

Настолько заметно, что это увидел даже Ельцин.

— А вы ответили...

— "...справится, если не будет колебаться в последний момент."

— закончил за него Ельцин.

Старик продолжал смотреть.

Не мигая.

Будто пытался увидеть невозможное.

— После этого...

Вы подошли к карте.

И сказали...

Ельцин повернулся.
— "История не любит незавершённых дел."
Судоплатов резко сел.
Словно ноги внезапно перестали держать.
— Не может быть...
Он произнёс это едва слышно.
Почти шёпотом.
Ельцин ничего не ответил.
Только смотрел.
Тем самым взглядом.
Которого не могло быть у Бориса Николаевича.
Ни при каких обстоятельствах.
Прошла ещё минута.
Может быть две.
Потом Судоплатов медленно поднялся.
Сделал несколько шагов вперёд.
Остановился.
И вдруг глаза старого разведчика наполнились слезами.
Он словно перестал быть легендарным оперативником.
Перестал быть генералом.
Перестал быть человеком, пережившим войны, спецоперации, арест и десятилетия забвения.
На мгновение он стал просто солдатом.
Который неожиданно увидел своего Верховного спустя полвека после смерти.
— Иосиф Виссарионович...
Голос дрогнул.
— Неужели это действительно вы...
Ельцин подошёл ближе.
Положил руку ему на плечо.
— Здравствуй, Павел Анатольевич.
После этих слов Судоплатов уже не пытался сдерживаться.
Слёзы текли по его лицу.
Он несколько раз кивнул.
Словно убеждая самого себя, что происходящее реально.
— Мы думали...
Что всё закончилось...
Что всё погибло...
Ельцин тяжело вздохнул.
Посмотрел в сторону кремлёвских стен.
— Нет.
Не всё.
Пока ещё не всё.
Судоплатов вытер глаза.
И почти мгновенно собрался.
Старые привычки возвращались быстро.
— Тогда приказывайте.
На этот раз улыбнулся уже Ельцин.
Очень знакомой улыбкой.
Которую когда-то хорошо знали члены Политбюро.

— Вот поэтому я тебя и пригласил.

Потому что из всех живых ты один не стал бы спрашивать, сошёл ли я с ума.

Ты бы сначала начал работать.

И впервые за многие месяцы Иосиф Виссарионович почувствовал, что в новой эпохе у него появился человек, которому можно доверять.

Глава 3

Глава 3

Осень 1991 года

Судоплатов появился в кабинете через трое суток.

Не через неделю.

Не через месяц.

Именно через трое суток.

Как в старые времена.

Когда поставленная задача считалась начатой уже в момент получения.

Ельцин сидел за столом с кипой документов.

За окнами темнела Москва.

Город жил новой жизнью.

Газеты писали о демократии.

Телевидение говорило о свободе.

Политики спорили о будущем.

А государство тем временем стремительно теряло управляемость.

Павел Анатольевич вошёл без лишних слов.

Положил на стол толстую папку.

Сел напротив.

— Нашёл?

— Да.

Ельцин открыл папку.

Внутри находились десятки досье.

Фотографии.

Биографии.

Характеристики.

Служебные записи.

Судоплатов подбирал людей по старому принципу.

Не самых известных.

Не самых громких.

Не самых карьерных.

Самых надёжных.

Тех, кто пережил перестройку.

Не потерял голову.

Не побежал за политической модой.

Не начал торговать вчерашними секретами.

Не превратился в консультанта иностранных корпораций.

Некоторые работали в разведке.

Некоторые в контрразведке.

Некоторые давно ушли в запас.

Несколько человек преподавали.

Один руководил небольшим научным институтом.

Другой числился простым инженером.

Третий вообще жил на даче и выращивал яблоки.

Но всех объединяло одно.

Они умели служить государству.

— Много?

— Достаточно.

Судоплатов сделал короткую паузу.

— Для начала.

Ельцин листал страницы.

Внимательно.

Не торопясь.

Некоторых людей он уже видел в потоке информации, который когда-то показали ему трое сущностей.

Других видел впервые.

Но почти сразу начал замечать закономерность.

Никто из них не рвался к власти.

Никто не стремился к известности.

Никто не искал политической карьеры.

Это были профессионалы.

Самая редкая категория людей в эпоху начинающегося хаоса.

— Хорошо.

Он закрыл папку.

— Теперь расскажи, что происходит в стране на самом деле.

Не по газетам.

Не по телевидению.

Не по докладам правительства.

Судоплатов усмехнулся.

— На самом деле?

— Именно.

— Тогда ситуация хуже.

Ельцин кивнул.

Он ожидал именно такой ответ.

Судоплатов продолжил:

— Союз формально существует.

Но вертикаль уже разрушена.

Республики действуют самостоятельно.

Министерства работают через раз.

Финансовая система держится на инерции.

Армия растеряна.

Спецслужбы разделены.

Многие чиновники уже мысленно живут в других государствах.

— А противник?

Судоплатов понял вопрос сразу.

— Какой именно?

— Любой.

— Тогда их много.

Он начал перечислять.

Зарубежные разведки.

Финансовые структуры.

Политические фонды.

Новые бизнес-группы.

Будущие олигархи.

Криминальные сообщества.

Националистические движения.

Каждый видел в распаде государства собственную выгоду.
Ельцин слушал молча.
Не перебивая.
Потом взял чистый лист бумаги.
Долго смотрел на него.
После чего написал сверху всего два слова:
"План восстановления".
Судоплатов внимательно наблюдал.
Потом Ельцин начал писать дальше.
Первое.
Получение объективной информации.
Без посредников.
Без политических фильтров.
Без искажений.
Второе.
Формирование независимой аналитической группы.
Третье.
Поиск кадров.
Не политиков.
Не партийцев.
Не ораторов.
Управленцев.
Инженеров.
Военных.
Учёных.
Четвёртое.
Сохранение критических отраслей государства.
Энергетики.
Оборонной промышленности.
Науки.
Транспорта.
Связи.
Пятое.
Контроль над процессами приватизации.
На этой строчке Судоплатов поднял голову.
— Здесь будет самая большая война.
— Я знаю.
Ельцин продолжил писать.
Шестое.
Возвращение управляемости.
Седьмое.
Подготовка новой государственной модели.
Восьмое.
Предотвращение гражданской войны.
Девятое.
Сохранение стратегического влияния на постсоветском пространстве.
Десятое.
Долгосрочное восстановление государства.
Наконец он положил ручку.

Судоплатов посмотрел на лист.
Потом перевёл взгляд на хозяина кабинета.
— Очень большая работа.
— Да.
— На годы.
— На десятилетия.
Оба некоторое время молчали.
За окнами шумела Москва.
Страна менялась быстрее, чем кто-либо успевал осознавать.
А на столе лежал всего один лист бумаги.
Черновик.
Пока ещё только черновик.
Но именно с таких листов иногда начиналась история целых эпох.

Ельцин сидел за столом, слегка наклонившись к листу бумаги, и стал набрасывать схему новой вертикали власти.

— Для Верховного Совета, — сказал он, — нам нужен человек, который сможет держать всех в рамках, но при этом не будет пытаться играть в личную власть.

Судоплатов внимательно посмотрел на него.

— Примаков, — продолжил Ельцин. — Наш, способный работать с депутатами, сохранять контроль и при этом не поддаваться панике.

Судоплатов кивнул.

— Человек наш, — подтвердил он.

— Кабмин? — продолжал Ельцин, не отрывая взгляда от бумаги. — Думаю о Черномырдине. Он умеет управлять процессами, не лезет в политику, не суетится.

Старик снова подумал. Потом тихо кивнул.

— Согласен.

— И ещё, Павел Анатольевич, — сказал Ельцин, — что скажешь об Ивашутине?

Судоплатов слегка нахмурился, задумался, потом опять кивнул.

— Рассказывать? — тихо спросил он.

— Если считаешь возможным, — ответил Ельцин. — Приведи ко мне.

В тот же вечер Судоплатов начал подготовку. Он не только собирал информацию, но и проверял людей на преданность делу, на способность сохранять тайну и действовать в критических ситуациях.

Ивашутин был первым. Сталин, теперь в теле Ельцина, наблюдал за всем процессом с внутренним вниманием. Он видел, как Судоплатов тщательно анализирует биографии, служебные отчеты, личные характеристики.

— Он выдержит давление, — сказал старик, наконец. — И сможет быть тем центром, который нужен.

Ельцин кивнул.

— Тогда приводите его ко мне.

Через несколько часов Ивашутин появился в кабинете. Он был спокоен, собран и сдержан. Ни волнения, ни стремления впечатлить — только профессиональная выучка и готовность действовать.

— Здравствуйте, Владимир Александрович, — сказал Ельцин. — Нам предстоит многое.

Ивашутин кивнул, без лишних слов.

— Я знаю.

Сталин наблюдал внутри тела нового хозяина: каждый взгляд, каждое движение — идеально подходило для того, чтобы строить вертикаль, которую он сам когда-то создавал, но теперь в новых условиях, среди хаоса и нестабильности.

На бумаге перед Ельциным росла схема: Верховный Совет — Примаков, Кабмин — Черномырдин, спецслужбы — Ивашутин. Остальные ключевые позиции пока оставались черновиком, но фундамент уже был заложен.

И этот фундамент, подумал Сталин, был куда важнее любых публичных заявлений, чем газеты или телевидение.

Он знал: если структура устойчива, остальное можно контролировать.

И этот день, первый день работы над вертикалью, стал настоящим началом нового этапа.

Ельцин снова остался один в кабинете, когда Москва погрузилась в раннюю осеннюю темноту. Он оперировал не только бумагами и отчетами, но и мыслями, которые разрывались между сегодняшним хаосом и завтрашней картой страны.

— В Беловежской пуще, — пробормотал он про себя, — там решатся судьбы республик.

Он понимал, что разговоры с Кравчуком и Шушкевичем не будут просто протоколом: это будут ставки, ставки на будущую карту, на сохранение ресурсов и территорий.

Ельцин размышлял так, будто уже держал в руках шахматную доску:

— Крым — стратегически необходимо. Южмаш — оборудование и конструкторы нельзя оставлять в тех условиях. Нужно перевести на Урал. Восточные шахтерские области должны быть автономными. Жданов — Мариуполь — тоже автономный, без зависимости от Киева.

Он знал, что это потребует не только дипломатии, но и точного давления, личных контактов и гарантированной финансовой поддержки.

— Если согласны, — говорил он сам себе, — я обеспечу личную, мощную финансовую, в том числе, поддержку.

План был прост, но тщательный. Каждый регион, каждая отрасль, каждая стратегическая единица должна была иметь свою автономию, но оставаться под контролем центра.

Ельцин представлял себе встречи с местными руководителями: разговоры в закрытых кабинетах, тихие договоренности, подписанные глазами и честью, а не только бумагами.

Он понимал, что будущее страны зависит от способности действовать быстро, точно и бескомпромиссно.

В его мыслях мелькали карты, документы, имена людей, которых он лично обязан держать под контролем.

— Каждая шахта, каждая фабрика, каждый завод, — говорил он вслух, — должен оставаться функциональным и преданным делу.

И тут, в тихом кабинете, Ельцин чувствовал себя не просто руководителем РСФСР. Он был дирижером нового порядка, где каждая нота, каждый человек и каждая структура должны были звучать в унисон, иначе музыка разрушалась бы.

Сталин внутри него наблюдал за этими мыслями, оценивая каждый ход, каждое решение. Он видел в этих планах холодную стратегию, точность и жесткость, которая соответствовала любому временному масштабу — будь то военная кампания или распределение власти после распада государства.

— Всё должно быть рассчитано, — пробормотал Ельцин. — Без хаоса. Без слабости. Без сомнений.

И он снова взглянул на лист с черновым планом вертикали: Примаков, Черномырдин, Ивашутин. Каждое имя теперь связывало не только Москву, но и будущую карту постсоветского пространства.

Ельцин снова сидел один в кабинете. Внутри него Сталин наблюдал за каждым его движением, каждое слово, которое Борис Николаевич сам себе говорил, превращалось в карту будущей геополитики.

— Каспий должен быть русский, — пробормотал Ельцин вслух, словно диктовал приказ самому себе. — Азербайджан и Иран? Пусть остаются при своих. А Туркмену... Туркмену предложить пятнадцать миллиардов долларов за всю прилегающую область. Газ, нефть — на сотни миллиардов долларов, а его Верховный Совет проголосует. Куда денутся?

Он наклонился к карте, рассматривая границы, линии, реки и побережья.

— Наличные лично первому секретарю, — продолжал он, — и вопрос решён. Люди и ресурсы — в наших руках.

Ельцин откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. В голове вырисовывались переговоры, поездки, подписи на документах, встречи с представителями Верховных Советов.

— А Назарбаев... — сказал он, открыв глаза. — Этот хитрый. Придётся сорок миллиардов за прибрежные области Каспия и Северный Казахстан. Но оно того стоит. Полезные ископаемые на сотни миллиардов долларов. Главное — наши люди, наши территории.

Он снова взял лист бумаги и стал наносить цифры, территории и будущие финансовые потоки. Каждое решение было как шахматный ход: риск, выгода, последствия.

— Деньги наличными, — говорил Ельцин сам себе, — чтобы не было сомнений, чтобы никто не отступил.

Сталин внутри него кивал: точная, холодная стратегия. Без эмоций, без спонтанности. Каждая шахта, каждый нефтяной промысел, каждая скважина — всё должно быть под контролем.

Ельцин снова взглянул на карту.

— Всё, что движется, дышит и стоит, — пробормотал он, — должно оставаться нашим.

И в этом тихом кабинете Кремля будущие контуры России после распада Союза становились всё более ясными: деньги, люди, ресурсы, территории — всё было рассчитано и распределено.

Ельцин посмотрел на календарь. Время ехать в Беловежскую пушу пришло.

— Павел, — сказал он, — пора. Там будет непростой разговор.

Старик кивнул, без лишних слов. Он уже подготовил документы, карты, аналитические справки. И, что важнее, план действий на случай, если националисты станут мешать. Опыт десятилетий работы со сложными ситуациями позволял ему быть готовым к любому развитию событий.

— С Кравчуком будет непросто, — сказал Ельцин по пути, — серьёзная фигура. Вес в Верховном Совете. Надо предложить пять миллиардов.

— Понимаю, — ответил Судоплатов. — С националистами разберусь я.

Ельцин кивнул. Он знал, что это будет не просто встреча: переговоры, анализ, давление, дипломатия, но всё должно быть завершено быстро и без лишнего шума.

— Итак, — продолжил он, — деньги, ресурсы, автономии. Каждое слово, каждая цифра — на вес золота.

Судоплатов с улыбкой промолчал. Он знал, что именно такой подход гарантирует успех. Опыт, стратегия и подготовка позволяли справиться с любой неожиданностью.

Приехав в Пушу, Ельцин почувствовал напряжение в воздухе. Здесь, среди лесов и охотничьих троп, решалась судьба целых регионов и отраслей.

— Всё должно пройти точно по плану, — сказал он себе. — И каждый ход рассчитан.

Сталин внутри него оценивал обстановку с холодной ясностью: переговоры, возможные провокации, позиции союзников и врагов.

— Павел Анатольевич, — сказал Ельцин тихо, — теперь твоя очередь показать, как справляться с хаосом.

Судоплатов кивнул. Опыт и смелость были на их стороне. И, возможно, именно это и сделает будущую Россию сильной, несмотря на все предательства и трудности.

Беловежская пуща встретила их снегом.

Не сильным.

Лёгким.

Почти символическим.

Словно сама природа решила скрыть под белым покровом всё, что должно было произойти в ближайшие дни.

К моменту прибытия Ельцина все уже были на месте.

Российская делегация разместилась в одном из корпусов.

Украинская — в другом.

Белорусская сторона исполняла роль хозяев.

Охрана.

Помощники.

Связисты.

Советники.

Все понимали, что присутствуют при событии исторического масштаба.

Хотя никто ещё не знал, каким именно окажется результат.

Первый неформальный разговор состоялся вечером.

Без протокола.

Без стенографистов.

Без прессы.

Только трое руководителей.

Борис Ельцин.

Леонид Кравчук.

Станислав Шушкевич.

Разговор получился откровенным.

Даже слишком.

Очень быстро стало ясно главное.

Никто из присутствующих уже не верил в возможность сохранения Советского Союза в прежнем виде.

Вопрос обсуждался не о том, будет ли распад.

Вопрос обсуждался о том, что появится после него.

Ельцин внимательно слушал.

Практически не спорил.

Лишь задавал вопросы.

Много вопросов.

Это удивляло собеседников.

Они ожидали более эмоционального Бориса Николаевича.

Но перед ними сидел необычно спокойный человек.

Сосредоточенный.

Расчётливый.

Почти холодный.

Позже, когда общий разговор закончился, Ельцин и Кравчук остались вдвоём.

Разговор продолжался несколько часов.

Они обсуждали границы.

Экономику.
Флот.
Промышленность.
Транспортные коридоры.
Военное наследство СССР.
Положение русскоязычного населения.
Будущие отношения между двумя государствами.
Кравчук оказался именно таким, каким его представлял Сталин.
Осторожным.
Умным.
Очень прагматичным.
Он уступал только там, где не видел выгоду.
И никогда не уступал под давлением.
Поэтому Ельцин выбрал другой подход.
Не спорить.
Не угрожать.
Не требовать.
Он говорил о будущем.
О том, что президентские сроки заканчиваются.
Что правительства меняются.
Что политические союзы возникают и исчезают.
Но соседние государства остаются соседями навсегда.
— Через десять лет нас обоих может уже не быть во власти, — сказал он.
— Но решения, которые мы примем здесь, останутся.
Кравчук долго молчал.
Смотрел в окно.
На тёмный зимний лес.
— И чего ты хочешь?
— Чтобы после развода не началась война наследства.
Ответ прозвучал спокойно.
Без пафоса.
Без громких слов.
После этого разговор пошёл заметно легче.
Они начали обсуждать возможные компромиссы.
Особые экономические соглашения.
Совместное использование некоторых объектов.
Гарантии для населения приграничных регионов.
Механизмы будущего сотрудничества.
Когда они наконец вышли из кабинета, оба выглядели уставшими.
Но уже не противниками.
Скорее людьми, которые поняли позиции друг друга.
На следующий день началась официальная работа.
Документы.
Формулировки.
Правки.
Согласования.
За столом сидели участники делегаций.
Ельцин.
Бурбулис.

Кравчук.
Фокин.
Шушкевич.
Представители белорусской стороны.
История двигалась вперёд.
Медленно.
Тяжело.
Неумолимо.

А внутри Бориса Николаевича Сталин наблюдал за происходящим с двойственным чувством.

Он по-прежнему считал распад Союза крупнейшим поражением государства.

Но одновременно понимал:

сейчас уже невозможно вернуть вчерашний день.

Можно только попытаться сделать так, чтобы завтрашний оказался менее разрушительным.

И именно за это предстояло бороться дальше.

Подписание закончилось поздно вечером.

Когда последние подписи были поставлены, а документы убраны в папки, никто не испытывал особой радости.

Слишком хорошо все понимали масштаб происходящего.

Одно государство уходило в историю.

Другое ещё только предстояло построить.

Вернувшись в свой коттедж, Ельцин долго сидел у камина.

Дрова потрескивали.

За окнами шумел зимний лес.

А на столе лежала карта.

Большая.

Подробная.

Он смотрел на неё почти час.

Молча.

Потом взял карандаш.

И начал делать пометки.

Сталин мыслил категориями не месяцев.

Десятилетий.

Само подписание было только началом.

Теперь предстояло решить куда более сложную задачу.

Не допустить окончательного развала пространства бывшего Союза.

Появился Судоплатов.

Как обычно, без шума.

Без предупреждения.

Словно вырос из стены.

— Подписали?

— Подписали.

Старик кивнул.

Особого восторга на лице не было.

— Что дальше?

Ельцин посмотрел на карту.

— Дальше будем собирать заново.

— Союз?
— Нет.
Он покачал головой.
— Союз умер.
Пытаться его оживить — значит потерять ещё десять лет.
Нужна новая конструкция.
Добровольная.
Выгодная.
Такая, в которую захотят входить сами.
Судоплатов внимательно слушал.
— Экономика?
— В первую очередь.
— Армия?
— Обязательно.
— Спецслужбы?
Ельцин усмехнулся.
— Особенно спецслужбы.
На несколько секунд повисла тишина.
Затем он взял другой лист бумаги.
Сверху написал:
"План на пять лет".
Первый пункт.
Сохранить единое военное пространство.
Второй.
Не допустить распада стратегической промышленности.
Третий.
Удерживать научные школы.
Четвёртый.
Создать новую разведывательную систему.
Пятый.
Вернуть управляемость экономике.
Судоплатов посмотрел на список.
— А деньги?
Ельцин поднял взгляд.
— Деньги будут.
— Откуда?
— Из будущего.
Судоплатов усмехнулся.
— Это уже звучит по-сталински.
Ельцин ничего не ответил.
Потому что именно так и было.
Он уже видел следующий шаг.
Не через неделю.
Не через месяц.
Через несколько дней.
Нужно было собирать команду.
Настоящую.
Не политиков.
Не ораторов.

Не телевизионных звёзд.
Людей, способных строить.
Примаков.
Черномырдин.
Ивашутин.
Ещё несколько фамилий уже крутились в голове.
Каждая из них должна была стать частью новой конструкции государства.
Снаружи завыл ветер.
Лес Беловежской пуши шумел всё сильнее.
Будто провожал уходящую эпоху.
А Ельцин сидел над картой до самого рассвета.
Отмечая города.
Заводы.
Порты.
Железные дороги.
Научные центры.
Военные базы.
Он не оплакивал погибший Союз.
На это не было времени.
Он уже строил следующую страну.
Пока ещё только на бумаге.

Но любая империя когда-то тоже начиналась с нескольких листов и человека, который видел дальше остальных.

На третий день после возвращения из Беловежской пуши Ельцин закрылся в кабинете с картой Европы.

Не политической.
Военной.
Именно такие карты предпочитал Сталин.
На них сразу видно, где проходят настоящие линии силы.
Железные дороги.
Порты.
Нефтепроводы.
Военные базы.
Транспортные узлы.
Германия занимала почти весь стол.
Точнее — бывшая ГДР.
Там всё ещё находилась Западная группа войск.
Сотни тысяч человек.
Техника.
Склады.
Аэродромы.
Городки.
Инфраструктура.

В реальной истории, которую когда-то показали ему трое, вывод армии превратился в поспешное отступление.

Сталин до сих пор не мог спокойно вспоминать увиденное.
Офицеры.
Солдаты.

Семьи военных.
Люди, десятилетиями служившие государству.
Их просто перевозили назад в страну, которая сама не знала, что с ними делать.
Нет.
Такого больше не будет.
Он взял чистый лист.
Сверху написал:
"Переговоры по выводу войск".
Первый пункт.
Полная компенсация расходов.
Не символическая.
Не политическая.
Экономическая.
Настоящая.
Второй пункт.
Строительство жилья для офицеров и членов семей.
До последнего дома.
До последнего гарнизона.
Третий.
Финансирование переподготовки предприятий оборонного комплекса.
Четвёртый.
Долгосрочные экономические соглашения.
Пятый.
Гарантии безопасности.
Письменные.
Подписанные.
Зафиксированные международными договорами.
На этой строчке он задержался.
Особенно долго.
Потом подошёл к окну.
Москва жила своей жизнью.
Никто не знал, что в этот момент решается судьба нескольких десятилетий.
В кабинет вошёл Судоплатов.
— Думаете о Германии?
— Да.
Старик сел напротив.
— Будут торговаться.
— Конечно будут.
— И много обещать.
— Тоже будут.
Некоторое время оба молчали.
Потом Ельцин произнёс:
— Павел Анатольевич, я не собираюсь спорить из-за прошлого. Не собираюсь требовать невозможного. Но если армия уходит, страна должна получить компенсацию. Полную.
Судоплатов внимательно посмотрел на него.
— Это уже не политика. Это сделка.
— Именно.
Сталин усмехнулся.
— Капиталисты прекрасно понимают язык сделок. Гораздо лучше, чем язык лозунгов.

Судоплатов неожиданно рассмеялся.

— А ведь вы изучили их за эти месяцы.

— Приходится.

Он снова посмотрел на карту.

Особенно внимательно на район Калининграда.

На узкие полосы границ.

На транспортные маршруты.

На будущее.

Каждый участок карты означал годы переговоров.

Компромиссов.

Давления.

Сделок.

Но впервые за долгое время у России появлялась возможность вести переговоры не с позиции слабости.

А с позиции интереса.

На столе постепенно росла новая папка.

Толстая.

Тяжёлая.

С грифом:

"Европейское направление".

И это была лишь первая из многих.

Потому что Сталин уже начинал следующую партию.

Гораздо более сложную.

Китай.

Япония.

Ближний Восток.

И Соединённые Штаты.

Мир только начинал понимать, что Борис Ельцин после 1991 года почему-то стал совсем другим человеком.

Но никто ещё не догадывался насколько.

Глава 4

Ельцин снова оказался один в своём кабинете.

Карты Европы, разведданные, экономические выкладки — всё это лежало перед ним. Он тщательно просматривал цифры, линии движения войск, состояние инфраструктуры и промышленности на бывшей территории ГДР. Каждый пункт был важен, каждая цифра имела значение.

— Вывод войск не может быть бесплатным, — тихо сказал он, почти самому себе. — Это огромные расходы, это десятки тысяч жизней, это годы подготовки.

Судоплатов стоял рядом, не произнося ни слова. Он знал, что разговор идёт не о формальных документах, а о силе и возможностях.

— Сначала требуем триста миллиардов долларов, — продолжал Ельцин, — но сразу понимаю — мало. Нет, пусть будет пятьсот, согласимся на четыреста. При этом — Сувалкский коридор, письменно закреплённый, шириной не менее 40 км. Калининград должен быть связан с основной территорией России, через Белоруссию.

Старик кивнул, а в глазах его блеснуло понимание: молодая российская дипломатия начиналась с точных шахматных ходов.

— И договор о нерасширении НАТО, — добавил Ельцин. — С реальными санкциями: триллион долларов США, Германия, Англия, Франция. Любая попытка нарушить соглашение — серьёзные последствия.

— Смелый подход, — тихо произнёс Судоплатов, — но именно такой нужен.

Ельцин снова сел за стол, разложил бумаги и составил план предстоящей поездки:

Гельмут Коль, канцлер Германии, встреча в Бонне. Цель — обсудить условия вывода войск. Обеспечить юридическую и экономическую защиту интересов России. Обсудить инфраструктуру, жильё для офицеров, сохранение промышленных предприятий.

— Поехали, — сказал Ельцин. — Время — деньги, а деньги, как показывает практика, легче сохранить, когда знаешь, чего хочешь и кому это нужно.

Судоплатов молча вынул блокнот, готовый фиксировать каждый шаг.

— А что если будут возражения? — спросил он.

— Тогда мы покажем, что цена наших требований ниже риска для Европы. Всё остальное — детали, которые мы сами определим, — ответил Ельцин, и взгляд его стал холодным, как лёд на зимней реке.

Сталин внутри него наблюдал: холодный расчёт, стратегическое мышление, использование экономических и политических рычагов. Он понимал — теперь Борис Ельцин играет не по правилам старого мира. Он создаёт новый.

И Бонн станет первой проверкой силы новой стратегии.

Бонн встретил Ельцина тихим, сдержанным дождём.

Канцлер Гельмут Коль встретил его лично, без протокольных ритуалов, как того требовали обстоятельства. Взгляд Ельцина был прямым, почти вызывающим, но без лишней бравады — тот взгляд, который мгновенно понимает карту мира и линии силы.

— Добро пожаловать, — сказал Коль, пожимая руку и улыбаясь. — Россия требует компенсации за вывод войск?

— Не «требует», — ответил Ельцин спокойно. — Мы обсуждаем условия, которые выгодны всем сторонам. Вывод войск — естественный процесс. Но если хотите, чтобы всё прошло без потрясений, мы должны предусмотреть инфраструктуру, жильё для офицеров, переподготовку промышленности.

— Это разумно, — кивнул Коль. — Но вы называете большие суммы.

— Деньги — это не цель, — сказал Ельцин. — Это инструмент. Инструмент для того, чтобы не было хаоса. Чтобы солдаты вернулись домой с честью, а предприятия не остановились. Чтобы никто не страдал по глупости.

Коль кивнул, делая пометки, стараясь скрыть напряжение.

— Есть одно условие, которое для нас особенно важно, — продолжал Ельцин. — Сувальский коридор. Ширина сорок километров, связывает Калининград с материковой Россией.

— Литва и Польша... — осторожно начал Коль.

— Да, они мечтают о НАТО, — перебил Ельцин. — Но это ваши союзники в мечтах. Если Германия хочет, чтобы их амбиции не создавали угрозу безопасности в центре Европы — вы обязаны повлиять. Ваше влияние реально.

— Давить на соседей... — Коль замялся.

— Не угрожать, — уточнил Ельцин, — а убедить. Иначе мы будем вынуждены действовать через дипломатические и экономические меры. Мы не хотим конфликтов. Мы хотим стабильности.

Канцлер Германии задумался. Он понимал, что перед ним сидит человек, который видел не годы, а десятилетия вперёд.

— Хорошо, — сказал наконец Коль, — обсудим. Но вы понимаете: литовцы и поляки сильны политически.

— Да, — кивнул Ельцин, — но у вас есть инструменты. Используйте их. Мы только просим — не создавайте угроз для Калининграда и для будущего России. Всё остальное обсуждаемо.

Разговор продолжался ещё несколько часов. Бумаги, графики, цифры, карты — всё рассматривалось с точки зрения безопасности и логистики.

Когда встреча подошла к концу, Ельцин почувствовал удовлетворение. Он не получил сразу всех уступок, но поставил чёткие ориентиры.

Сувальский коридор был ключевым. Всё остальное можно было обсуждать постепенно.

На выходе из кабинета Коль выглядел усталым, но внимательным. Ельцин же держался так, будто за каждым его словом скрывалось нечто большее — план будущей Европы и России, который никто ещё не видел, кроме него.

Сталин внутри него молчал, наблюдая, как его стратегия начинает воплощаться в реальность через руки нового руководителя.

Обратный путь из Бонна прошёл в молчании.

Самолёт резал облака ровно, без тряски, но внутри салона напряжение не спадало.

Ельцин сидел у иллюминатора и смотрел вниз — на Европу, которая уже начинала жить новой жизнью, но ещё не понимала её правил.

Судоплатов устроился напротив.

Не мешал.

Ждал.

— Он не отказал, — наконец сказал Ельцин.

— Это уже не отказ, — спокойно ответил Судоплатов. — Это согласие в рассрочку.

Ельцин усмехнулся.

— Германия всегда так делает. Сначала слушает. Потом соглашается. Потом начинает считать, как это выполнить.

Он перевёл взгляд на папку с пометками по переговорам.

Сувальский коридор.

Финансовые компенсации.

Логистика вывода войск.

Гарантии безопасности.

Каждый пункт был отдельным фронтом.

— Коль понимает, что НАТО всё равно пойдёт на восток, — сказал Ельцин.

— Понимает, — кивнул Судоплатов.

— Но делает вид, что это ещё можно остановить.

— Так устроена их система, — ответил старик. — Они живут между реальностью и договорённостями.

В салоне стало тихо.

Только гул двигателей.

— А Сувалки? — спросил Судоплатов.

Ельцин задержал взгляд.

— Это не про землю.

— А про что?

— Про коридор в будущее.

Он постучал пальцем по карте.

— Если Калининград отрежут — мы теряем стратегический узел на Балтике.

— Если нет — мы сохраняем окно в Европу.

Судоплатов кивнул.

— Литва не согласится.

— Литва не решает, — спокойно сказал Ельцин. — Решают те, кто за ней стоит.

Он сделал паузу.

— Поэтому я и давлю не на Вильнюс. Я давлю на Берлин.

Судоплатов впервые за разговор чуть приподнял бровь.

— Ты стал думать как центр системы.

— Я вынужден.

Самолёт слегка качнуло.

Где-то внизу оставалась Германия — переговоры, которые уже состоялись, но ещё не начали действовать.

— Что дальше? — спросил старик.

Ельцин закрыл папку.

— Дальше — Польша.

Он сказал это спокойно.

Без угрозы.

Без эмоций.

Как следующий пункт плана.

— И Литва, — добавил он.

— Они уже мыслят себя в другой системе, — заметил Судоплатов.

— Вот именно, — кивнул Ельцин. — Поэтому с ними нельзя спорить. С ними нужно выстраивать условия, в которых их выбор не разрушает нашу географию.

Он откинулся в кресле.

— НАТО всё равно придёт к их границам.

— Ты уверен?

Ельцин посмотрел в иллюминатор.

— Абсолютно.

— Тогда зачем коридор?

Он ответил не сразу.

— Чтобы у нас оставалось время.

Судоплатов медленно кивнул.

Сталин внутри него наблюдал за этим разговором особенно внимательно.

Здесь уже не было импровизации.

Не было хаоса.
Была конструкция.
Пусть грубая.
Пусть спорная.
Но конструкция.
И именно такие конструкции определяют эпохи.
Не декларации.
Не лозунги.
А линии, по которым можно или нельзя пройти армии, товары и политика.
Самолёт вошёл в облака.
И на несколько минут исчезла земля.
Будто сама история дала им короткую паузу перед следующим решением.

Вашингтонская встреча началась без привычной дипломатической вежливости.
Напряжение ощущалось уже в момент, когда делегации вошли в зал.
США, Германия, Франция и Великобритания оказались в одной комнате не для демонстрации единства, а потому что ситуация в Европе перестала быть управляемой привычными механизмами.

Речь шла не о формальных заявлениях.

А о том, как удержать архитектуру безопасности, которая начала трещать после распада прежней системы.

Президент США открыл совещание коротко:

— Мы больше не обсуждаем теории. Мы обсуждаем последствия.

Европейские лидеры спорили.

Германия настаивала на контролируемом выводе советских войск и стабильности в Восточной Европе.

Франция говорила о необходимости не допустить вакуума безопасности.

Великобритания — о риске расширения нестабильности на Балтику и Польшу.

Отдельно обсуждался вопрос Калининградского направления.

Не как «коридор» и не как территориальный передел.

А как транспортная и военная уязвимость, которая требует гарантий доступа, логистики и международного контроля за снижением напряжённости.

Идея о жёстком фиксированном запрете расширения НАТО в этот момент столкнулась с тем, что каждая сторона понимала:

формально зафиксировать такое решение невозможно без разрушения самой логики альянса.

Но возможно другое — политические гарантии, рамочные соглашения, и новая система «красных линий», которые не фиксируются на бумаге, но учитываются всеми участниками.

Разговор длился несколько часов.

Без победителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.